

«Метель» в контексте «Повестей Белкина»

20 сентября 1830 г., закончив работу над «Барышней-крестьянкой» (ею впоследствии будут заключены «Повести Белкина»), Пушкин впервые наметит программу прозаического цикла, подытожив ее проектом общего эпиграфа:

[А вот] то будет, что и нас не будет
пословица Св<ятогорского> Игу<мена>
(Акад. Т. 8. С. 581).

Сентенцию эту вспомнить в ту пору было кстати: несколькими днями ранее Пушкин напишет П. А. Плетневу: «Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию» (Акад. Т. 14. С. 112).

Впоследствии сборнику будет предпослан иной эпиграф, но важно отметить в данном случае предпосылку замысла, приведшего к созданию первой прозаической книги Пушкина.

Недаром цикл этот был начат рассказом о гробовщике, а впоследствии озаглавлен «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»¹.

Самая фантастическая болдинская повесть стала в то же время и наиболее насыщенной личными впечатлениями автора. «Как вам не стыдно было, — напишет он невесте, — оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриан, который обдывает выгодные дела» (Там же. С. 120, 418; оригинал по-франц.).

Повесть «Гробовщик» стала центром симметрии всего прозаического цикла. В общем составе книги она выделяется на фоне всех других повестей — и городской средой, и мещанским колоритом, и фантастическим содержанием страшного сна героя. Нагнетаемая в рассказе тема смерти разрешается здесь вполне благополучно, в конечном счете — анекдотически. Отметим, однако, что эпиграф, предпосланный повести, отсылает к оде Державина «Водопад», где смертному уделу человека противопоставлялась благодарная память о нем потомков. Столь высокий смысл недоступен Адриану, для которого мертвец — лишь средство наживы. В то же время сон героя

¹ Курсив наш.

недаром содержит две части: описание похорон купчихи, заказанных ее наследником (он-то и выступает подлинным клиентом гробовщика!), и нашествие мертвецов.

Нужно ли напоминать, что для Пушкина память об умерших была священна. В Болдине из-под его пера появятся и такие строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

[На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.]

(Там же. Т. 3. С. 242, 849)

В отличие от Адрияна, герои остальных повестей хранят благодарную память о покойных: о Сильвио, о прапорщике Владимире, о Самсоне Вырине. Только в «Барышне-крестьянке» никто не умирает. Но недаром заголовок всего сборника станет своего рода памятником человеку, который сохранил рассказы своих знакомцев.

Впрочем, сообщены читателям все эти побасенки явно с иронией: мол, хотите — верьте, хотите — нет, ваше дело!² Такой эффект достигается наличием нескольких рассказчиков, каждый из которых вносит свою лепту в организацию повествования.

На первом уровне собственно рассказчики — титулярный советник А. Г. Н., подполковник И. Л. П., приказчик Б. В., девица К. И. Т. Записавший от них истории Иван Петрович Белкин, очевидно, был не столь наивен и простодушен, как это представлялось его соседу, чье письмо предпослано повестям. Едва ли справедливо впрямую уподоблять двух пушкинских Белкиных — из «Истории села Горюхина» (оставленной Пушкиным в рукописи) и «Повестей»: второй из них более образован и начитан. В письме ненарадковского помещика, приведенном в предисловии к сборнику повестей, было сказано, что «имена в них почти все вымышлены им самим (Белкиным. — С. Ф.), а названия сел и деревень заимствованы из нашего околотка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-то намерения, но единственно от недостатка воображения» (Акад. Т. 8. С. 63). При этом, просматривая все повести Белкина, мы с удивлением обнаруживаем, что упомя-

² Ср. в отклике журнала «Телескоп» (1831. Ч. 6, № 21) на «Повести Белкина»: «Г. Белкин как будто не принимал ни малейшего участия в своих героях, и к каждой повести приговаривает: “Кажется, так было, а впрочем, мне дела нет”» (цит. по: Пушкин в прижизненной критике. [Т. 3]: 1831—1833. СПб., 2003. С. 132).

нутые в «Метели» названия Ненарадово и Жадрино почти уникальны для всего цикла. Обычно провинциальные местечки, где развиваются события рассказов, записанных Белкиным, обозначены или звездочками, или же литерой N. Конкретные названия тем самым должны были иметь какой-то особый смысл³. В рассказе о семействе «добротного Гаврилы Гавриловича Р**» Белкин вспомнил название села своего соседа (Ненарадово), возможно уловив в отце героини психологические черты своего знакомца — радушного, но совершенно лишенного каких-либо романтических идеалов. Сам же Белкин, передавая услышанные от разных лиц занимательные рассказы, угадывает в них знакомые ему литературные модели.

Наконец, издатель А. П. тоже внес свою лепту в оформление сборника. Казалось бы, он добавил для занимательности лишь эпиграфы, которые, по большей части, провоцировали ожидание несколько иных развязок, нежели те, которые изначально были известны читателям, тем самым поддерживая их интерес и заранее предвосхищая реакцию в каждом из финалов: «Вон оно как! А мы-то думали...».

Таковы условия игры, предложенные Пушкиным читателю. «Драматического писателя, — замечал он, — должно судить по законам, им самим над собою признанным» (письмо к А. А. Бестужеву от конца января 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 138). Это в полной мере относится к «Повестям Белкина», в которых подлинный автор скрыт за рассказчиками, хронистом, издателем.

Но заявленное в предисловии участие А. П. обозначено не только в подобранных эпиграфах, а прежде всего, в отборе белкинских записей и в выверенном расположении частей сборника.

Пары начальных и конечных повестей сборника представляют собой своеобразные диалоги. «Выстрел» и «Метель» объединяются военными героями, «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» — темой социально неравного брака. В первых рассказах каждой из этих пар доминируют драматические судьбы главных персонажей (Сильвио, Самсон Вырин), а ситуации счастливого семейного союза находятся на периферии сюжетов, — в отличие от соположенных повестей, сообщенных одним и тем же лицом, девицей К. И. Т., которая, подобно своим героиням, также, видимо, мечтает о замужестве. Творческая история «Повестей Белкина» свидетельствует, что и сочинялись названные повести парами: «Станционный смотритель» и «Барышня-

³ Замечено, что в «Барышне крестьянке» наименования деревень содержат своеобразные автобиографические реминисценции (см.: *Аринштейн Л. М.* Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 186).

крестьянка» — в сентябре (14-го и 20-го), а «Выстрел» и «Метель» — в октябре (14-го и 20-го) 1830 г. В последних произведениях можно заметить обогащение нарративного опыта Пушкина: композиции обеих повестей не совпадают с фабулами (хронологически последовательным изложением событий).

Из всех белкинских анекдотов самое невероятное стечение обстоятельств содержится в повести «Метель». Рассказ девицы К. И. Т. держит читателя в недоуменном напряжении. «В “Метели”, — отмечал рецензент «Телескопа», — очень искусно прервано повествование о побеге дочери и другое — об известии, которое узнал несчастный жених. С каким приятным удивлением после страшного его плутания, ожидая, что с невестою, убежавшею с вечера из дома родительского, случилось еще большее несчастье, а в отеческом доме поднялась ужасная тревога, вдруг читаем <...>: “Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что у них делается. А ничего! <...>”. Что все это значит? — думает читатель, а автор очень ловко отложил объяснение до последнего почти слова в повести»⁴.

К тому же предпосланный повести эпиграф из баллады Жуковского «Светлана» заранее внушал ожидание иной развязки:

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокой.
.....
Вдруг метелица кругом:
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Вспомним, что накануне предполагаемого тайного венчания Марье Гавриловне так же, как и героине Жуковского, снились страшные сны: «То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтобы ехать венчаться, отец останавливал ее, с мучительной быстротой тащил по снегу и бросал ее в темное, бездонное подземелье; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться...» (Акад. Т. 8. С. 78). Вот этот «вещий стон» уми-

⁴ Пушкин в прижизненной критике. [Т. 3]: 1831—133. С. 134.

рающего жениха и предвещался в пушкинской вариации балладных стихов, но читатели, конечно же, помнили, что в балладе все кончалось счастливо — возвращением из военного похода жениха, который только привиделся погибшим.

Впрочем, неожиданный финальный сюжетный поворот повести тоже отсылал к литературной традиции. В исследовательской литературе названо множество произведений с подобными фабульными перипетиями: «Комедия ошибок» и «Зимняя сказка» Шекспира, новелла Сервантеса «Сила крови» («La fuerza de la sangre», опубл. в 1613) и ее позднейшая русифицированная обработка в повести Е. И. и А. Ф. Вельтманов и М. П. Погодина «Дочь матроса» (опубл. 1850), роман В. Скотта (Scott; 1771—1832) «Сент-Ронанские воды» («St. Ronan's Well», 1824), новелла Вашингтона Ирвинга (Irving; 1783—1859) «Жених-призрак» («The Spectre Bridegroom») из «Книги эскизов» («The Sketch-Book», 1819—1820), комедия М. Гийо де Мервиля (Guyot de Merville; 1676—1755) «Воссоединенные супруги, или Вдова-дева и жена» («Les Eroux réunis, ou la Veuve fille et femme», 1738), повесть швейцарской писательницы Ж.-П.-И. де Монтолье (Montolieu; 1751—1832) «Барон д'Альдестан, или Власть любви» («Le Baron d'Adelstan, ou le Pouvoir de l'amour», 1812), переводившаяся в пушкинское время на русский язык под заглавием «Урок любви»⁵, анонимная повесть «Кто бы это предвидел? (Истинное происшествие)»⁶, повесть В. И. Панаева «Отеческое наказание. (Истинное происшествие)»⁷, водевиль Н. И. Хмельницкого «Суженого конем не объедешь, или Нет худа без добра» (1821). К этому перечню можно еще добавить древнерусскую «Повесть о Тверском отроче монастыре», послужившую позднее сюжетной основой для поэмы В. К. Кюхельбекера «Юрий и Ксения» (1832—1835). Развязка же «Метели» более всего сближалась с сюжетной коллизией комедии П.-К.-Н. де Лашоссе (La Chaussée; 1692—1754) «Ложная антипатия» («La fausse antipathie», 1773), содержание которой было Пушкину знакомо, вероятно, еще по пересказу в «Лицее» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805) Ж.-Ф. де Лагарпа (La Harpe; 1739—1803). Лагарп считал, что эта пьеса имеет два серьезных недостатка. Во-первых, зрители с самого начала посвящены в суть происходящего, что лишает сюжет занимательности, во-вторых, любовная перипетия не заключает в себе подлинной интриги: счастьем героев в

⁵ ВЕ. 1820. Ч. 111, № 9. С. 3—34; № 10. С. 81—114; № 11. С. 165—191 (пер. Н. А. Полевого).

⁶ Благ. 1818. Ч. 1, № 2. С. 229—236.

⁷ Благ. 1819. Ч. 6, № 8. С. 82—95.

действительности ничто не препятствует, и, пожелав заключить новый брачный союз, они могли попросту ликвидировать старый, то есть развестись. Автор «Метели» избегает обеих этих ошибок⁸.

Во всех названных выше произведениях, однако, отсутствует мотив, давший заглавие повести Пушкина и развитый уже в первом его болдинском стихотворении «Бесы», где отразились тревожные предчувствия поэта на пороге перемены своей судьбы.

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят...
(Акад. Т. 3. С. 226)

Нельзя не заметить здесь и ритмического, и некоторого образного сходства с эпиграфом, избранным для повести «Метель».

В отличие от современных Пушкину критиков, дружно не принявших «Повести Белкина», пушкинисты пытаются определить оригинальность (и глубину) пушкинской трактовки традиционных сюжетов. «Неожиданное соединение, — замечал о повести «Метель» Г. П. Макогоненко, — разделенных случаем мужа и жены — Бурмина и Марьи Гавриловны, — счастливо для обоих. Но автор иронией дает нам понять, как прозаично, как неглубоко, как примитивно определится это счастье. Судьба Марьи Гавриловны обусловлена законами ее среды; выйдя замуж, она повторит цикл жизни ненарадовских помещиков»⁹. В. Э. Вацуро увидел в концовке повести психологическое подобие финала романа в стихах «Евгений Онегин»: «Что скрывается за краткими репликами и скупыми жестами концовки “Метели”? Пережитая драма женщины, обреченной на одиночество, виновник ее несчастья, случаем вернувшийся, добившийся ответного чувства — и в решительный момент узнавания не узнавший в возлюбленной жертву своей “преступной проказы”... В противоположность всем канонам повесть оканчивается не мотивом любовного соединения, а мотивом вины; концовка сводит в один фокус все драматические сюжетные линии, развернутые в повести»¹⁰. Еще более сложную трактовку заключительной сцены повести предложил В. В. Головин, считающий, что Марья Гавриловна при

⁸ См.: *Вольперт Л. И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Галлинн, 1980. С. 152—154.

⁹ *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., 1974. С. 145.

¹⁰ *Вацуро В. Э.* Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 39.

новой встрече разгадала во Владимире Бурмине злополучного гусара и искусно заставила его признаться в юношеской проказе. Имя его хотя и не названо в повести, но оно непременно должно было прозвучать в свадебном обряде, как бы наскоро ни была проведена эта церемония¹¹. Каждая из этих интерпретаций по-своему интересна, но, в общем-то, не отвечает простому читательскому восприятию повести.

Вполне проясняет загадочность изложенных происшествий рассказ Бурмина. Да, стечение обстоятельств в высшей степени неожиданное, но, слава Богу, все завершилось прекрасно. Эффект счастливой развязки, искусно подготовленный повествователем, внушает читателю полное удовлетворение.

И все же, за что награждены счастьем и Марья Гавриловна, пожертвовавшая памятью о бедном прапорщике, и полковник Бурмин, некогда совершивший непозволительную шалость? Чтобы понять это, нужно прочесть «Метель» в контексте всего болдинского цикла — особенно в контрастной переключке ее с первой из повестей.

В составе цикла все болдинские повести выстроены прежде всего в хронологической последовательности изложенных разными рассказчиками историй. Первая из них фабульно начиналась прерванной дуэлью Сильвио с графом Б*** еще за несколько лет до войны 1812 г. В прерывистой композиции «Выстрела» эпоха национального бедствия и торжества выпала из повествования, оставшись в подтексте — проясняющим тем не менее судьбу загадочного героя. С самого начала рассказчик был заинтригован: «Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей выйти его в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. <...> У него водились книги, большею частию военные, да романы. <...> Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета» (Акад. Т. 8. С. 65). Все говорило о его профессиональных военных навыках. Потому-то так и поразил рассказчика поступок Сильвио, который не рискнул выйти на поединок со своим обидчиком после картежной ссоры. Но оказывает-

¹¹ Головин В. В. «Метель» Пушкина: Святочный комментарий // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию В. В. Белоусова. СПб., 2006. С. 206—210. В целом же в этой статье развита достаточно рискованная гипотеза о святочном времени жадринской свадьбы. Но венчания в святочные дни православной церковью запрещены. Нагнетаемые в рассказе о свадьбе Марьи Гавриловны и Бурмина святочные мотивы, пронизательно обнаруженные исследователем, лишь провоцировали, в сущности, ложное читательское ожидание, — так же, как и эпиграф к повести.

ся, это ничто по сравнению с тем, как он, гусарский офицер, не преврал свою добровольную отставку в годы Отечественной войны. Жажда личной мести стала и этому причиной. Лишь одержав моральную победу над давним противником, Сильвио вернулся в строй. Его гибель в битве при Скулянах стала запоздалым искуплением преступления перед собственным отечеством. Впрочем, он готов был к смерти уже во время второй дуэли с графом, заставив его всю дальнейшую жизнь переживать отступление от законов чести.

Симптоматично, что некоторые исследователи уверены в том, что «бравый гусар не мог уйти в отставку ранее 1814 г. (победного возвращения армии в Россию)»¹², вопреки прямым указаниям в тексте повести о том, что первая дуэль Сильвио с графом произошла за шесть лет до знакомства героя с рассказчиком и признанием графа при встрече с последним, что он уже четыре года до того не брал в руки пистолета. Точная дата сражения под Скулянами (1821) позволяет отнести начало всех названных событий к довоенному времени. Тем самым процитированное выше утверждение исследователей должно было прозвучать так: «не должен был выйти в отставку». Но... тем не менее вышел!

Граф Б**, который, в отличие от Сильвио, несомненно участвовал в Отечественной войне, также духовно переменялся: не просто постарел (ему всего 26 лет), но и прочувствовал ценность жизни, неизвестную ему в юности. Да, во второй дуэли с соперником он вел себя не по правилам, но своеобразным искуплением этого проступка стал его покаянный рассказ совершенно постороннему человеку, подполковнику И. Л. П. Повесть о Сильвио, по законам цикла, приобрела дополнительный смысл на фоне повести «Метель» (едва ли случайно жену графа зовут так же, как и героиню «Метели», — Марией).

Основной исторический мотив «Метели» — события Отечественной войны 1812 г.: на войне гибнет пехотный прапорщик Владимир, получает рану гусарский полковник Бурмин, и затем описывается всеобщее упоение победой: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слезы свидания!» (Акад. Т. 8. С. 83). Девица К. И. Т. сразу же подчеркнула: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную...» (Там же. С. 77).

Обратим внимание и на то, куда направлялся гусарский повеса, занесенный ненароком метелью в жадринскую церковь: «В начале 1812 года, — говорит Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк...» (Там же. С. 85).

¹² Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 200.

События Отечественной войны были хорошо памятливы первым читателям «Повестей Белкина». 24 июня 1812 г. войска Наполеона форсировали Неман, развивая наступление на Москву через Ковно и Вильну. Таким образом, Бурмин принял участие в военной кампании с первых ее дней и прошел всю ее с честью, получив и орден Святого Георгия (который давался за личную храбрость), и чин полковника, и рану в руку (вероятно, от сабельного удара, учитывая его кавалерийскую службу). События войны быстро преображали ее героев — физически и духовно. В черновой рукописи автор предполагал наглядно донести эту мысль до читателей, развив характер одного из многочисленных поклонников Марии Гавриловны: «В числе новых двое, казалось, оспаривали между собой первенство, удалив всех прочих соперников. Один из них был сын уездного предводителя, тот самый маленький улан, который некогда клялся в вечной дружбе бедному нашему Владимиру, но ныне хохотун, обросший усами и бакенбардами и смотрящий настоящим Геркулесом. Другой был раненый гусарский полковник...» (Там же. С. 617). В улане тем самым подчеркивалось лишь физическое возмужание. Впрочем, из окончательного текста повести эта фигура была устранена, хотя ей, возможно, и предстояло сыграть особую роль в счастливой развязке всей истории.

Искушение вины и награда судьбы в конце концов доставались повзрослевшему гусару по праву: исторические события определили его духовное перерождение. В полной мере заслужила свое счастье и Марья Гавриловна: она бережно сохранила память о своей девичьей романтической влюбленности и была готова (как и Бурмин) до конца жизни не нарушать свой невольный супружеский долг. Судьба определила Марье Гавриловне не дожидаться желанного армейского прапорщика, а обвенчаться с иным — с женихом полуночным¹³. Название Жадрино¹⁴ появилось в рукописи не сразу, сначала это село тоже было обозначено звездочками. В словаре Даля отмечено значение слова «жадеть (жадать)»: нетерпеливо хотеть, ожидать. Поистине: браки заключаются на небесах!

¹³ Здесь, возможно, Пушкиным была переосмыслена евангельская притча о девах со свечелюльниками, ожидающими жениха (Мф. 25: 1—13), подобно тому как в «Станционном смотрителе» — притча о блудном сыне.

¹⁴ Название села «созвучно с погостами Жадры, Жадрицы и Жедерицы в Опочечком, Новоржавском и Порховском уездах Псковской губернии» (*Столяров М. Н.* Псковская губерния в поэзии Пушкина // *Познай свой край.* [Псков], 1924. Вып. 1. С. 34) и селом Жадрино Нижегородской области (см.: *Сомова Т. А.* Жедрино и Жадрино: Об одной топонимической загадке в повести А. С. Пушкина «Метель» // *Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст.* Арзамас, 2005. Вып. 7. С. 27—35).

И вообще, как было отмечено рассказчицей: «Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он лучшей, драгоценной наградой?..» (Акад. Т. 8. С. 83).

Почти во всех «Повестях Белкина» повторяется мотив свадьбы¹⁵. Здесь нужно увидеть своеобразный вызов смерти, небытию, самой Колере Морбус, вызвавшей замысел прозаического цикла Пушкина, который в ту пору мечтал о собственной свадьбе.

¹⁵ См.: *Пяткин С. Н.* «Болдинские свадьбы» Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Арзамас, 2001. Вып. 3. С. 91—105.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009